♦ КРАЙ РОДНОЙ

"Через две почтовые станции за Васильсурском начиналась Казанская губерния. Хмелевка и Емангаш еще Нижегородская, а Виловатый Враг уже Казанская.

За Емангашем въехали в большой лес - дубы, вязы, клены, - он тянулся до Виловатого Врага. А на открытых местах дорога была обсажена березами. Их уже тронула желтизна, они тихо шелестели на ветру.

Дорога здесь красивая, хотя и нелегкая для лошадей - много подъемов и спусков. Между Виловатым Врагом и Старым Сундырем целых три. Особенно крут спуск на мост. Гаврила, тот не выдержал: хотя ямщик заклинил задние колеса, он не доверил свою драгоценную жизнь лошадям, спрыгнул с козел на землю и до самого моста бежал трусцой. Пушкин только посмеивался. Он доверял ямщикам - они знали свое дело. Он мало беспокоился по поводу того, что дорогу не огораживали перилами или хотя бы столбиками, когда она проходила по крутым косогорам и вдоль оврагов...

...Ожидая перемены лошадей, Пушкин прошелся по улице. Она показалась ему опрятнее Емангаша, черемисской деревни на границе с Нижегородской губернией. Чуваши были приветливы и услужливы. Они охотно и без боязни отвечали проезжему барину, когда он с ними заговаривал. От старого чуваша Пушкин узнал, что город, из которого он едет, - Нижний Новгород - называется Чол-Хола, что значит Каменный город. А он, Пушкин - вырос. Очевидно, это было искаженное "урус" по-татарски - русский.

Отсюда начинался новый, неведомый Пушкину край, населенный разными народами - чувашами, черемисами, мордвой, татарами...".

Игорь Смольников.
"От Нижнего Новгорода до Казани" (М., 1991).

Ночевал ли Пушкин в Старом Сундыре?

Из "Правил, изданных по высочайшему повелению 6 июня 1808 года для проезжающих на почтах" мы знаем, что "Протоиереям... капитанам... титулярным советникам и всем чинам, состоящим в 9-14 классах, - выдаются листы на 3 лошадей... Особам 1 класса - на двадцать лошадей... Митрополитам, действительным статским советникам и другим особам 2 класса - пятнадцать... Архимандритам, майорам, коллежским асессорам, синодским и сенатским протоколистам и всем чинам, состоящим в 8 классе, - на 4 лошади".

Таким образом, А.С. Пушкин, чиновник 10-го класса, титулярный советник, имел право получить по открытому листу -подорожному (если сказать по-современному - путевому листу) трех почтовых лошадей, тройку. Исследователи пишут, что иногда Пушкин нанимал коней за плату (5 копеек за коня) и мчался четверкой.

В путь-дорогу он выехал на своей коляске. Ремонтировал в Москве, и по дороге нужно было подтягивать колеса снова и снова.

Чище нижегородских и козьмодемьянских каретников считались чувашские мастера из Сундыревки. Краснодеревщики здесь были отменные. Да и кузнецы на славу, выписанные из дальних русских губерний. Как-никак, пугачевским бунтовщикам-иногородцам, в особенности нагорным чувашам, не разрешалось иметь дела с железом. Кузницами при каретном дворе владели русские мастеровые из Выксы или самого Нижнего.

О чувашах Пушкин знал, и немало. Этот край известен ему по рассказам Иакинфа Бичурина - ученого, поэта, китаиста. Да и Дмитрий Ознобишин из Чебоксар слал любопытнейшие вести да переводы народной поэзии... Вот она, чувашская земля! Не надеясь на неспешного слугу Гаврилу, Пушкин зашел в каретный двор, поинтересовался насчет колес: "Как долго? За час? За ночь? За ночь можем заново обмотать! До Казани еще ехать и ехать. Давайте, подтяните основательно!".

Ямщики Погоди-хозяина знали толк в чиновниках. Видали самих царей! А когда в споре с козьмодемьянскими ямщиками выиграли серьезнейшую дистанцию с золотыми "призами", станция стала весьма почетной на всей дороге. Сведущие чиновники предпочитали отдыхать именно здесь - среди дубрав, широких долин и невысоких пригорок при замечательнейшей харчевне с сельским пивом и волжской рыбой. Сам Петр Первый здесь хаживал, царица Катерина соизволила отобедать, да в честь Павла Первого дуб-великан отращен!

Говаривал столетний дед Мирон, последний из могикан-ямщиков XIX века, что Пушкина помнил. Этим гордился и отчаянный вольник, ямщик из ямщиков Хветьки из рода пугачевских, то бишь из нынешних фамилий Пигачевых... Это он водил поэта по деревне и рассказывал всякие небылицы...

Есть в пушкинской дорожной тетради запись, сделанная под Чебоксарами: "Пугачев ехал мимо копны сена - собачка бросилась на него. Он велел разбросать сено. Нашли двух барышень - он их, подумав, велел повесить". Где, от кого слышал поэт этот рассказ - неведомо. Но если проследить по воспоминаниям деда Мирона Никифоровича Погодейкина да по материалам пугачевца Резвана из окрестностей села Владимирского (Анат Киняр), вполне реально полагать, что факт произошел здесь и услышан из уст поэта-импровизатора Хведи Чуваша, знавшегося с Дмитрием Петровичем Ознобишиным, другом Пушкина.

Пушкин ночевал в чувашской деревне одну ночь, а по народной молве - и все две ночи. В его записях об этом не сказано. Нет уточнений в воспоминаниях современников. Оставляя далеко за собой фельдъегеря с пакетом бумаг о его поднадзорности, Пушкин не остановился ни во Владимире, ни в Васильсурске и наверняка не ночевал в Чебоксарах. Дело N 142 "О учреждении надзора за поведением известного поэта титулярного советника Пушкина" следовало за ним повсюду в виде секретных предписаний и записок обер-полицмейстера, военного губернатора, секретного полицмейстера. Но быстрый Пушкин сумел прокатиться до Оренбурга до скрипов полицейской погони.

По многим народным преданиям и пересказам выходит, что Пушкин ночевал в Старом Сундыре (Станьялах). В Большом Аккозино (Исмели, Октябрьском) он пробыл 4 дня. Пока невозможно ни утверждать, ни отвергать эти версии. Но они вполне реальны.

В.СТАНЬЯЛ.

А.Пушкин и Бичурин - ещё один факт из связей поэта с чувашским краем (репродукция картины Н.Овчинникова).

Так выглядит сегодня Великий сибирский тракт, по которому через Чувашию проезжал А.Пушкин. Фото Г.Верблюдова.